

Россия. Мир. Будущее. ЕЛЕНА ПОНОМАРЕВА, АНДРЕЙ ФУРСОВ. Интервью, 1.02.2017

“РОССИЯ. МИР. БУДУЩЕЕ”. ИНТЕРВЬЮ

[ПРОФ. Д. ПОЛИТ. Н. ЕЛЕНА ПОНОМАРЕВА, МГИМО](#)

и **АКАД. АНДРЕЙ ФУРСОВ,**

для „VIA EVRASIA” и [ГЛАСОВЕ](#)

данное Дарине Григоровой, 1 февраля 2017 г.

проф. д.п.н. Елена Пономарьова, МГИМО/У, президент Международного Института Развития Научного сотрудничества (МИРНас),

зам.-директор Института Системно-Стратегического Анализа (ИСАН)

акад. Андрей Фурсов, Международная академия науки, Инсбрук, Австрия,

директор ИСАН, директор Института русской истории, РГГУ

Вопрос: Андрей Ильич! Институт системно-стратегического анализа (ИСАН), которым Вы руководите, активно занимается издательской деятельностью. Уже вышло три книги т. н. “черного корпуса” (О Заговоре, О Секрете, О Тайне). “Черный корпус” формирует новую трансдисциплинарную систему знаний с фокусом на острые проблемы: “аналитика в качестве особой научной программы” как реакция на “детеоретизации и деинтеллектуализации” науки. Это своеобразное “право на индивидуальный поиск истины” - Ваше кредо, или больше? Если “в России существует только то, что существует официально”, как существует “черный корпус”?

[цитаты из текстов А.И. Фурсова]

Андрей Фурсов: «Чёрный корпус», точнее, «чёрная серия», как и другие издания ИСАН, существует совершенно официально. Комплексная системно-историческая аналитика (деятельность аналитика как следователя по особо важным историческим делам) в качестве стратегии официально заявлена как научная программа ИСАН.

Место «следователя по особо важным историческим делам» – это место учёного, субъекта (актора) психоисторической войны и гражданина. Структуры, занимающиеся комплексной системно-исторической аналитикой, комбинируют в своей деятельности методологию, методики и приёмы работы, характерные как для научно-исследовательских институтов, так и для аналитических подразделений спецслужб.

Вопрос: Вы вводите термин “корпоратократия”. Насколько она присутствует в России как системообразующий фактор и где место в современной России “следователю по особо важным историческим делам”?

[цитаты из текстов А.И. Фурсова]

Андрей Фурсов: Термин «корпоратократия» – не мой, я его просто использую. Корпоратократия оформилась на Западе после окончания Второй мировой войны. В СССР на рубеже 1960-1970-х годов появился советский сегмент (прото)глобальной корпоратократии. Линий формирования этого сегмента было несколько: нефть, золото и драгметаллы, финансы. Без советского политико-экономического участия не произошло бы повышения цен на нефть в 1973-1974 гг. в пять-шесть раз, не оформился бы евродоллар (в 1960-е годы одним из наиболее активных банков лондонского Сити был Московский народный банк). Именно советский сегмент корпоратократии был среди тех в СССР, кто активно работал вместе с Западом на разрушение советской системы. В настоящее время определённая часть господствующих групп РФ является сегментом глобальной корпоратократии и в то же время обслуживает интересы глобальных финансовых спекулянтов. Именно эта часть ждала победы Клинтон на президентских выборах в США.

Вопрос: Когда Вы пишете о своем Учителе - Владимире Крылове, Вы упоминаете “пошлость повседневности”, “трагичность русского быта,” “текущую бесформенность русской жизни”. Что Вы имеете в виду?

[цитаты из текстов А.И. Фурсова]

Андрей Фурсов: Что касается «пошлости повседневной русской жизни» (точнее: русского варианта пошлости, поскольку этого хватает во всех обществах, достаточно посмотреть на нынешний сытый Запад вообще и на США в частности), описанную в своё время Ф.М. Достоевским, Чеховым и др. то в самом общем плане пошлость есть **полное** торжество сиюминутности и шкурного интереса над высокими ценностями и идеалами и связанным с ними поведением. Поиски истины – это то, что объективно противостоит пошлости. В то же время неорганизованная повседневная жизнь, безытнность сами по себе не являются преодолением пошлости. Нередко они представляют собой всего лишь другую её сторону.

Трагичность русского быта – это во многом безытнность, как физическая, так и метафизическая, характерная прежде всего для разночинцев и интеллигенции. Бесформенность или, точнее, недооформленность, в том числе институциональная, русской жизни – это не только минус, но и плюс. В природных и исторических условиях России – жёстких, постоянно меняющихся и некомфортных – жёсткие формализованные структуры западного (феодалного или капиталистического) типа были бы катастрофой. В России нужна гибкость, неформально-творческий подход к реальности. В России люди сложнее институтов, на Западе – наоборот.

Вопрос: Андрей Ильич! Вы пишете о разных, порой диаметрально противоположных сторонах сталинской системы. С одной стороны, Вы пишете о характерном для неё “расстрельном эгалитаризме”, с другой – о колоссальных социальных достижениях этой системы. И еще. Вы приравниваете сталинофобию и советофобию к русофобии. Не могли бы Вы пояснить?

[цитаты из текстов А.И. Фурсова]

Андрей Фурсов: У любого явления – две стороны. Например, то, что некоторыми воспринимается как «социальный рай» жителей ядра капиталистической системы, своей обратной стороной, а во многом и причиной имеет «социальный ад» для подавляющей части населения земного шара – эксплуатируемыми народами Азии, Африки, Латинской Америки. Впрочем, сегодня «социальный рай» ядра капсистемы стремительно скукоживается, а народы периферии капсистемы устремляются в зону «ядра» – туда, «где чисто и светло». «Рай» и так там заканчивается сам по себе, мигранты же превращают его в ад.

Нужно понимать, что 1930-е годы, которые ошибочно сводят к так называемым «сталинским репрессиям», были очень сложным периодом. С одной стороны, это было последнее десятилетие русской смуты, начавшейся в 1860-е годы, с другой – это был финал революционного процесса, начавшегося в 1917 г., своеобразной «холодной гражданской войной». Генезис, молодость любой социальной системы всегда жестоки и агрессивны. В то же время это период колоссальных социальных возможностей, перспектив для огромной массы населения. Сталинская индустриализация стала для подавляющего числа советских людей мостом в будущее. Да, это был жёсткое и жестокое время, но страх не был его доминантой, как в этом пытаются нас уверить антисталинисты и антисоветчики.

Мой отец, которому в 1937 г. было 25 лет и который в это время учился в Академии им. Жуковского, на мой вопрос о страхе в 1930-е годы ответил: «Слушай музыку 1930-х. В условиях страха такая музыка не рождается». 1930-е годы – это прежде всего социальный энтузиазм, взрыв советского патриотизма и устремлённость в будущее. И, конечно же, острая социальная борьба за это будущее на всех уровнях. Антисоветчики, включая призывавшего жить не по лжи, но почти постоянно лгущего Солженицына, резко завышают цифры репрессированных, говоря о десятках (с такой бездоказательностью – почему не о сотнях?) миллионов репрессированных. Это – не говоря о том, что многие репрессированные, в том числе так называемые «старые большевики» вовсе не были безвинными жертвами. Это Бухарин, Зиновьев и Тухачевский с руками по локоть в крови – безвинные жертвы? Я уже не говорю о тех, кто сидел в ГУЛАГе не по политическим статьям, а их было большинство. Что касается ситуации «расстрельного эгалитаризма», т.е. ситуации когда к стенке могли поставить и простого работника, и наркома, это и было подлинное бесклассовое равенство «народного социализма» при Сталине, сменившееся на неравенство столоначальников и всех остальных в «номенклатурном социализме» Хрущёва – Брежнева.

Сталинская система решила, как минимум, три важнейшие задачи, которые стояли перед Россией и русскими как державообразующим народом в XX в. Во-первых, за короткий срок – менее, чем за 10 лет в 1930-е годы – историческая Россия в виде СССР добилась военно-промышленной автаркии от капиталистического мира. А это значит, что была отстроена не только альтернативная капитализму система (системный антикапитализм), но и альтернативный западному буржуазному Модерну русский небуржуазный Модерн в его советской, социалистической форме. Во-вторых, организационно, идейно-воспитательно и экономически обеспечила победу в Великой Отечественной войне, т.е. физическое и метафизическое существование русской популяции в истории. В-третьих, восстановление в течение десяти лет (до середины 1950-х годов) экономического потенциала страны – фундамента «советского экономического чуда 1950-х» и военно-технической защиты этого «чуда». Особо отмечу первый момент.

Уже в середине 1930-х годов начинается поворот от интернационал-социализма к русским традициям как исключительно важной части фундамента СССР. Де-факто этот процесс начался во второй половине 1920-х годов заменой курса на мировую революцию курсом «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране» (1925–1926 гг.), подавлением троцкистского путча 7 ноября 1929 г. и отменой в 1929 г. НЭПа – уродливой рыночно-административной конструкции, разъедавшей власть и общество. В 1936 г. официально появляется термин «советский патриотизм» и 7 ноября перестают праздновать как Первый день мировой революции (праздник назовут днём Великой Октябрьской социалистической революции). Де-факто уже в середине 1930-х годов начинается демонтаж Коминтерна, в 1943 г. его распускают официально, пишется новый гимн СССР (со словами «сплотила навеки великая Русь»), а в армии вводятся погоны. После смерти Сталина, при Хрущёве на первый план, нередко в фарсовом виде, вышел «интернационалистский курс».

Успехи СССР – это наивысший пик в экономическом, социальном и научно-техническом развитии исторической России, причём пик в мировом масштабе. В 1930–1980-е годы историческая Россия в виде СССР существовала как прежде всего мировая социалистическая система. Не случайно демонтаж этой системы частью советской номенклатуры (формально – во главе с М. Горбачёвым) и частью мировой капиталистической верхушки при участии некоторых других сил (Китай, нацистский интернационал, ряд закрытых и/или оккультных обществ) начался с мирового уровня (Варшавский договор, СЭВ) и только после этого настала очередь СССР. Иными словами, СССР – это мировой успех, успех мирового уровня исторической России. Значительную часть XX в. СССР был лидером мирового социального и научно-технического, а в 1950-е годы – экономического развития. Поэтому любая советофобия есть более или менее скрытая форма русофобии.

Отношения власти и народа, отделённость народа от власти и власти от народа, точнее, отношения власти и народа – это ещё один аспект проблемного бытия России. Почти до конца XVII в. в Московской Руси налицо был довольно высокий уровень единства власти и народа. Несмотря на то, что весь XVII в. был «бунташным», власть и народ говорили на одном социокультурном языке, а господствующие слои жили в соответствии с такой системой потребностей, которая удовлетворялась традиционным русским хозяйством.

В XVIII в. в Петербургской России складывается иная система: вестернизирующееся дворянство начинает жить в соответствии с системой потребностей западных господствующих классов, растёт культурный разрыв между квазизападной элитой и русским народом, чиновничья система становится всё более автономной от низов. Все эти разрывы достигают максимума во второй половине XIX – начале XX в.; эффект усиливается развитием капитализма, привносимого в русскую жизнь извне и сверху (государством) и являющегося цивилизационно и психотипически неорганичным имманентно не- вне- и антикапиталистическим России и русским. В этом плане социалистическая революция в России была естественной реакцией Большой системы «Россия» на чужеродное.

В СССР единство власти и народа было восстановлено. Однако с 1960-х и со всей очевидностью с 1970-х годов по мере превращения советской номенклатуры в слой-для-себя, в квазикласс, определённые сегменты которого интегрируются в той или иной степени, тем или иным образом в мировую капиталистическую систему, началось взаимообособление власти и народа. После 1991 г. этот процесс резко ускорился и сегодня, четверть века спустя, мы наблюдаем его результаты, внешне весьма напоминающие – что весьма символично – в канун столетия Октябрьской революции – ситуацию начала XX в.

В последние годы в России стало всё больше ощущаться отпадение общества (читай: народа) от государства, от власти. «Страна неумолимо переходит в совершенно новую реальность, где народ и государство обоюдно стараются как можно меньше соприкоснуться». Это проявилось и в выборах в Госдуму – самая низкая явка с 1993 г., и в развитии «гаражной» и «промышленной» экономик, которые действуют вне законодательного и налогового пространства и в которые, по разным оценкам, вовлечено от 17 млн до 30 млн человек; и в растущей апатии граждан, и во многом другом. Нынешний уровень «отпадения», «отложения» народа от власти представляется крайне опасным.

Вопрос: Елена Георгиевна! Вы вводите понятие “фальсификация по умолчанию” как тонкий элемент психоистории и даете много ярких примеров об “амнезии” западного экспертного сообщества в СМИ относительно Второй мировой и Великой Отечественной и не только. А что умалчивается в России о России и о русских, существуют ли темы табу, которые нуждаются в освящении для силы национального сознания?

[цитаты из текстов Е.Г. Пономаревой]

Елена Пономарева: Фальсификация по умолчанию означает сознательное замалчивание, игнорирование и сокрытие исторических фактов. Фальсификации по умолчанию – чудовищная вещь. И к сожалению, она выявляет амнезию не только западного общества. Например, более 30 % японских школьников считают, что атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки сбросили советские, а не американские самолеты. А сейчас можно встретить даже утверждение о том, что Европу освободила... Украина. Фальсификации деформировали сознание не только молодого поколения, но и тех, кто несут ответственность за принятие политических решений. И это крайне опасно.

Историки (причем, не только западные, есть такие и в России) и политики сознательно замалчивают тот факт, что не Советский Союз, а американцы и англичане уничтожали, причем сознательно, гражданское население Германии. Делали они это в соответствии с программой, разработанной К. Левиним и Г. Моргентау, с единственной целью – нанести максимальный урон немцам в психологических и демографических целях. Стоит также сравнить отношение к Германии и немцам советского руководства и, например, британского.

Вот что писал У. Черчилль: «... эта война ведется не против национал-социализма, но против силы германского народа, которая должна быть сокрушена раз и навсегда, независимо от того, в чьих

руках она находится: в руках Гитлера или в руках священника-иезуита». Напомню и более откровенные слова британского премьера: «Мы воюем не с Гитлером, – говорит Черчилль, – а с немецким духом, духом Шиллера, чтобы этот дух не возродился».

А вот слова Сталина в самый разгар войны – в феврале 1941 года: «...было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается». Как говорится, почувствуйте разницу.

В европейских и американских учебниках не стесняясь пишут, что решающую роль в разгроме нацистской Германии и милитаристской Японии сыграли победы англо-американских войск в таких операциях, как «Маркет Гарден» в Голландии, высадка в Нормандии 6 июня 1944 года и битва за атолл Мидуэй на Тихоокеанском театре военных действий. При этом Сталинградская битва, которая послужила началом коренному повороту в ходе всей Второй мировой войны, битва на Курской дуге, победа в которой дала Советскому Союзу стратегическое превосходство на всех фронтах, операция «Багратион», в ходе которой Красная Армия окончательно очистила советскую землю от неприятеля и начала освобождение Европы от нацизма, описываются как бои местного значения, если вообще описываются.

Фальсификация по умолчанию использует в качестве когнитивного оружия замалчивание и других фактов нашей истории. В частности, опускается тщательный анализ советского прошлого. Делается это сознательно, так как на фоне советского прошлого «достижения» современной России выглядят очень сомнительно. Ограничусь лишь несколькими примерами. В 1970-е годы доля СССР на мировом рынке нефти составляла 16 %; рынке газа – 29,7 %. В 2005 г. эти цифры были 12,6% и 16,7 % соответственно. Так какая страна может быть названа «энергетической супердержавой»?

Или еще. В 1975 г. удельный вес СССР в мировой промышленной продукции составлял 20 %. Советский Союз занимал второе (!) после США место в мире и первое в Европе по производству промышленной продукции. ВВП СССР равнялся 10 % от мирового. Сегодня РФ занимает 12 позицию и обладает 1,77 % мирового ВВП.

По данным на тот же 1975 г. Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), в который входила и Болгария, производил 1/3 мировой промышленной продукции и более четверти мирового дохода. Это при том, что население СЭВ составляло всего 9,4 % мирового населения. Комментарии излишни.

Очень не любят в России вспоминать и многие аналитические доклады западных спецслужб конца 1980-х – начала 1990-х годов. Прежде всего, потому, что они рисуют совсем иную картину, чем те, кто рушил великую страну и кто до сих пор находится у власти или при власти. Например, в докладе аналитической службы ЦРУ в середине 1990-х гг. было отмечено: «советская экономика накануне прихода Рейгана к власти находилась в хорошей форме и демонстрировала намного лучшую динамику, чем американская». Конечно, имелись негативные тенденции, но «сами по себе они не носят для СССР смертельного характера и могут быть преодолены».

Израильская разведка также отмечала, что «в середине 1970-х годов реальный уровень жизни в СССР, включая платные и бесплатные блага, а также т. наз. нецениваемые гуманитарные факторы (уровень преступности, социальной защищенности, равные возможности и т.п.) составлял 70-75 % от уровня жизни США и имел тенденцию к сближению». Иными словами, в СССР не было проблем, несовместимых с жизнью системы, а структурные диспропорции могли быть относительно легко устранены. Получается – есть что замалчивать, поскольку решение о разрушении страны и вместе с ней всей мировой системы социализма принималось конкретной фракцией партийно-хозяйственной номенклатуры в шкурных интересах.

К сожалению, пока не будет написана правдивая история разрушения Советского Союза и не дана оценка деятельности конкретных людей в этот период, мы не можем двигаться вперед, мы не можем адекватно отвечать на вызовы современности. Фальсификация по молчанию серьезным образом деформирует сознание молодого поколения, рисует искаженную картину мира. Именно поэтому такая фальсификация даже более страшна, чем прямая ложь.

Вопрос: Вы исследуете специфику “политических переворотов современности” и сравнивая их с классическими революциями называете их “симулякр революции”. В чем суть ненасильственного захвата власти?

[цитаты из текстов Е.Г. Пономаревой]

Елена Пономарева: Действительно, политические перевороты современности, чаще подаваемые в СМИ как “цветные революции” (ЦР) ничего не имеют общего с классическим понятием революции. И потому являются симулякром, имитацией, подделкой. Кратко объясню.

1) Сущность революции в ее традиционном понимании содержится в особой идеологеме, новой идеологической доктрине, формирующей высшие и новые ценности, определяющей верховный смысл существования человека, в новом историческом проекте, практическая реализация которого и есть революция, революционный процесс.

С этой точки зрения ЦР не имеют и даже не предполагают не только никаких новых великих идей, но и никаких просто новых идей – новых даже для самих стран, в которых эти революции совершаются. Это либо известные уже всем идеи западной либеральной мысли (может быть, в более радикальной форме), либо – проекты, имевшие место в религиозных доктринах, прежде всего, в исламе. Таким образом, ЦР – это безыдейный процесс.

2) Ни в одной из стран, где произошли ЦР, не было не только революционной ситуации, но и отсутствовал «революционный класс», способный не просто смести правительство (это-то как раз очень просто сделать), но заменить его, т.е. представить новую программу действий, проект развития.

3) Это экспрессивный и молниеносный характер действий «революционеров». За счет массированного применения финансовых ресурсов и информационных технологий срок подготовки свержения режима удается сократить до полутора-двух лет. Таким образом, не нужно заниматься изнуряющей, растянутой на несколько поколений работой по подрыву режима. Все эти этапы проходят в предельно ускоренном режиме, с использованием новых возможностей информационного общества: прежде всего, это сетевые структуры, нейропрограммирование, манипуляция общественным сознанием посредством мировых СМИ.

4) Создание с использованием технологий сетевого маркетинга, безлидерских движений и рекламного менеджмента гигантских партий-големов, охватывающих значительное число протестного электората всех спектров, привлеченных различными, зачастую полностью противоречащими друг другу обещаниями, а также простым любопытством либо желанием «вырваться» из размеренной повседневности. Такая партия-голем может быть разбужена в момент «Х» при появлении необходимости вывести народ на улицы для проведения массовых акций гражданского неповиновения. По достижению целей переворота она может быть полностью ликвидирована благодаря встроенному механизму самоуничтожения, мешающего этим массовым, но безголовым партиям превратиться в реального политического игрока. Примеров тому накопилось уже более десятка: движения «Отпор» (Сербия), «Сксела», «Бекум» (Армения), «Кмара» (Грузия), «Движение 6 апреля» (Египет), «Движение-31», «Стратегия-31», «Солидарность» или «Лига избирателей» в современной России.

5) Момент «Х» – старт политического переворота связан либо с выборами, либо с требованиями их досрочного проведения, либо с принятием очень важного для страны решения – например, подписание Ассоциации с ЕС, как это было в случае с Украиной. Иными словами, нужен политический (а не социально-экономический) повод для «революции», своего рода *casus belli*. Выборы или требование их досрочного проведения – это именно то событие, которое позволяет оппозиции вывести максимально возможное количество недовольных на улицу.

6) Это совершенно новая, в отличие от классических революций, роль внешних сил. И это уже не только финансирование и воспитание будущих организаторов «революции» (как правило, это представители интеллигенции, окол властных и властных структур), но открытая через институты гражданского общества (НПО, фонды, СМИ, международные организации) работа по дискредитации существующего режима. Кроме того, внешние игроки (США, страны НАТО, ЕС, ЛАГ) сами себе присваивают статус верховного арбитра. Например, объявляют легитимными действия оппозиции, даже если они нарушают закон, а действия власти по своей защите – нелегитимными. Очевидно, делают они это небескорыстно: в случае победы «революционеров» геополитическая и геоэкономическая ориентация должна быть в интересах той внешней силы, которая финансировала и легитимизировала переворот.

Совокупность всех перечисленных признаков «цветной революции» однозначно определяет ее высокотехнологичный продукт эпохи глобализации, который стал возможен только по достижении человеческим сообществом определенного уровня развития во всех сферах (науке, экономике, средствах связи и коммуникации и др.).

Что же касается “ненасильственного захвата власти”, то это блестящая находка “фабрик мысли”. На самом деле никакого насилия нет. Западные коллеги не раз дезавуировали ненасильственный принцип современных переворотов. Так, М. Стефан и Э. Ченоуэт прямо пишут, что ненасильственное сопротивление (НС) отличается от «принципиального насилия М. Ганди или М. Лютера Кинга, основанного на религиозных и этических принципах», так как ненасильственные действия не исключают ... применения насилия.

Самый известный теоретик НС Дж. Шарп указывает, что в некоторых случаях насилие может оказаться не просто ограниченным, но неизбежным. В его перечне 198 методов НС, обнародованные еще в 1973 г., фигурируют явно силовые. Под номером 148 числится «мятеж». Шарп определяет НС как «военную технологию», что означает – ее применение предполагает наличие противника, которого нужно уничтожить. Целью насилия провозглашается бескровный переворот (bloodless coup), осуществляемый без массовых жертв, но реальность, как мы хорошо знаем, сильно отличается от теоретических построений. Свержение режима посредством гражданского восстания (civilian insurrection) оборачивается гражданской войной. Самыми яркими примерами такой мутации насилия служат Ливия, Сирия, Украина. Более того, окончательный вопрос о власти не может быть решен без перехода части армии и силовых структур на сторону оппозиции. Прав был Мао Цзэдун: “Винтовка рождает власть”.

Итак, реальный лозунг технологов и организаторов политпереворотов – «Мы за ненасилие. Да здравствует насилие!». Так что не верьте сказкам про ненасильственный захват власти.

Вопрос: В современном русском политическом словаре появилось слово “смысловики” от “власть смыслов”, или воздействие через символы на поведение общества. Каковы “смыслы” современной России кроме Бессмертного полка?

Елена Пономарева: Для меня совершенно очевидно, что жить без смыслов и целеполагания человеку невозможно. Иначе он становится не просто социальным животным, а биомассой. Надо признать, что последние лет пятьдесят вся работа западных политтехнологов и смысловиков была нацелена именно на извращение и нивелирование смыслов. Так собственно появился и торжествует сегодня уже по всему миру «идеал» общества потребления. Нам пытаются навязать мир, где лучшим другом для ребенка становится не собака, а игровая приставка; где с рекламных плакатов в России (!) можно увидеть «Трех богатырей», смотрящих на улетающие куриные окорочка и Петра I, уплетающего чипсы. Я вижу в этом процессе целенаправленное уничтожение не только важнейших национальных, исторических, культурных основ, но и смыслов, делающих человека Человеком.

Если мы в ближайшее время не вернемся к высоким смыслам, нас ждет уничтожение: сначала интеллектуальное, потом социальное и физическое. В приключенческом романе «Территория» советского геолога и писателя Олега Куваева, повествующем об успешном открытии золота на Чукотке, автор ярко описал страсть человека к своему делу, одержимость, связанную с трудом и долгом в тяжёлых условиях крайнего Севера. Куваев показал людей, ставивших настоящую работу превыше всего, иногда – даже выше собственной жизни. Смыслом жизни таких людей было созидание, открытие, реализация Мечты.

Для меня Мечта представляет социальный идеал – приближение, построение социально справедливого общества. В то же время Мечта – это не что-то неосуществимое, некое чудо, а желаемая и достижимая реальность. В 1950-1960-е годы образ именно такой Мечты был близок всем советским людям и означал созидание светлого будущего своими собственными руками. Таким был мир – «Эра Встретившихся Рук» – Ивана Ефремова и мир «Полудня» Стругатских. Таким был мир Сергея Королева и Юрия Гагарина, Мстислава Келдыша и Андрея Колмогорова, строителей Красноярской ГЭС и БАМа, сотен тысяч ученых, врачей, инженеров, геологов – всех покорителей новых вершин.

В принципе такая Мечта не исчезла, но сегодня она отодвинута на задворки. Вместо большой Мечты на первое место вышли мелкие материалистические «заветные» желания – машина,

квартира, деньги. Причем часто достижение личного благополучия может осуществляться в ущерб другим.

Но ведь Мечта – бескорыстна. Она не может быть корыстной по определению, так как предполагает нечто, что приносит пользу многим. Мечта – это работа на общее благо, отождествление себя не только со своей страной, но со всем лучшим, что есть в человеке.

Получается, что в жить по Мечте сегодня означает сопротивление всем тем мерзостям, которые появились в 1990-е годы, противостояние силам распада и деградации, поразившим нашу страну. Жить по Мечте – это творчество, которое может быть и трудным, и радостным. Уверена, что любой человек может быть сопричастным такой Мечте. Нужно лишь стремиться быть профессионалом в своем деле, любить Родину (какой бы она не была) и заниматься саморазвитием. В то же время государство должно быть заинтересовано в формировании такого созидательного смысла, общих для большинства страны смыслов. Причем смыслов, обращенных в будущее. «Бессмертный полк» – это феноменальный акт единства всех поколений победителей. Но этого явно недостаточно. Главный смысл на мой взгляд должен заключаться в созидании, в строительстве и воссоздании процветающей и независимой (прежде всего, от разного рода глобалистов) страны. Это невозможно сделать без кардинальной и решительной переоценки событий и процессов последней четверти века.

Общие вопросы

Вопрос: Елена Георгиевна, Андрей Ильич! А теперь общие вопросы. На Валдайском форуме – 2016, В.В. Путин сказал о “дефиците идеологии будущего”, не уточняя чем следует заполнить этот дефицит кроме идей патриотизма. По Конституции РФ идеология запрещена. Какова Ваша точка зрения относительно необходимости государственной идеологией России?

Андрей Фурсов: Проблема идеологии почти неразрешима для нынешней российской власти, более того – загоняет её в историческую ловушку. С одной стороны, власть признаёт дефицит идеологии будущего, пытается в такой ситуации апеллировать к патриотизму. Однако возможно ли реальное и эффективное патриотическое единство между олигархами и 70% населения, живущими в бедности? При зашкаливающих децильном коэффициенте и индексе Джини? Неслучайно власть черпает патриотизм в прошлом – в победе СССР над нацизмом в мае 1945 г. («Бессмертный полк»), однако сам СССР, одержавший победу, сталинская система стыдливо обходятся – это в лучшем случае.

И здесь нынешняя власть опять же сталкивается с трудноразрешимым для себя противоречием. Ведь победа в Великой Отечественной войне – это величайшее достижение социалистической (т.е. антикапиталистической) системы в её сталинском виде, благодаря которому стало возможным существование не только послевоенного СССР, но и нынешней РФ, вообще существование русских в истории. Празднование Победы – это автоматически возвеличивание СССР. Попытки представить Победу как результат действий народа независимо, а то и вопреки системе свидетельствуют о явной неадекватности тех, кто пытается это сделать: народ вне системы – это всего лишь толпа, толпы не побеждают.

Буквально вчера были предприняты попытки «решить проблему» советской Победы путём низведения её до значительно меньших, а то и просто несопоставимых успехов русского оружия и русского духа. Именно под этим углом зрения следует рассматривать недавнюю инициативу руководителя управления по работе с общественными организациями Синодального отдела по взаимоотношениям церкви с обществом и СМИ Дмитрия Рощина «разбавить» движение «Бессмертный полк» героями Первой мировой войны и войны 1812 года, «прекратить “бесконечно выезжать” на тему победы в Великой Отечественной войне и отдавать дань уважения героям и других войн».

Замысел понятен, он вполне антисоветский: принизить значение Победы в Великой Отечественной, приравняв её к двум указанным выше войнам. Однако этот жульнический трюк

высокопоставленных попов убог и глуп, особенно что касается Первой мировой войны, которая: а) была империалистической и со стороны России; б) в ней русского мужика царь бросил защищать интересы прежде всего английских и французских банкиров; в) война окончилась поражением России, крахом самодержавия и династии Романовых и лично царя, которого, кстати, церковь спокойно предала. Война 1812 г. при всём её значении ни по масштабу, ни по цене, ни по ставке не может идти ни в какое сравнение с Великой Отечественной. С ней вообще никакая война в нашей истории не может идти в сравнение: ни один противник России, включая Наполеона и Вильгельма I не ставили задачу уничтожения русских как народа, стирания их физически (план «Ост») и метафизически из истории. Гитлер и его рейх ставили именно такую задачу. Поэтому с русской Победой, одержанной Союзом Советских **Социалистических** Республик, который «сплотила великая Русь», ничто не может быть поставлено рядом. А потому любые попытки принизить эту Победу, в том числе и путём размыывания «Бессмертного полка» есть не что иное, как русофобия (не случайно в начале 1990-х Зб. Бжезинский проговорился: Запад боролся и будет бороться с Россией как бы она не называлась), вызывающая много вопросов к РПЦ (как говорил герой одного фильма: «Кто с тобой работает?»). Ведь идея РПЦ подрывает, обесценивает идею и ценность «Бессмертного полка» как личной сопричастности людей нашей истории, сопереживанию прошлого её как чего-то общего, личного, особенно если почти нет социально общего в настоящем.

Возвращаясь к идеологической дилемме нынешней власти, отмечу следующее. Патриотизм исторически оказывается единственной доступной нынешней власти теоретической скрепой всё более разделяющегося на основе растущего неравенства и размываемого среднего слоя. Однако практически все достижения, которыми можно обосновать этот патриотизм, представляют собой завоевания СССР, социалистической системы, отрицавшей капитализм. Социалистические победы едва ли могут быть знаменем государства, строящего капитализм, а других равнозначных побед в прошлом (и уж тем более, в настоящем) нет. Вот и приходится тужиться, выдавливая из дореволюционного прошлого либо сомнительных героев, события и победы, либо убегая в столь далёкое прошлое (времена Александра Невского) которое по масштабу несопоставимо не только с XX веком, но даже с XVIII-XIX! В результате получается героико-идейный винегрет, вся искусственность которого более, чем очевидна; который совершенно несостоятелен в качестве идейного («идеологического») комплекса и который, наконец, подрывает сам патриотизм – бумеранг возвращается, и власть оказывается перед лицом всё той же задачи: как идейно скрепить общество, в котором растёт разрыв между богатыми и бедными?

Согласно данным Credit Suisse Research Institute, 10% самых богатых россиян владеют 89% благосостояния российских домохозяйств; в США «десятка» владеет 77,6%; в Китае – 73,2%; в Германии – 64,9%. Иными словами, РФ – лидер по концентрации богатства у меньшинства населения, т.е. лидер по социальному неравенству. И это при том, что уровень качественного развития и количественные объёмы экономики РФ не идут ни в какое сравнение с США, Китаем и даже ФРГ.

Согласно другим подсчётам, в РФ 1% населения владеет 71% активов; в Африке средний показатель – 44%, в Японии – 17%; средний показатель по миру – 46%.

В РФ – 96 долларовых миллиардеров, в США – 582, в «коммунистическом» Китае – 244, в ФРГ – 84. Кроме того, в РФ 105 тыс. долларовых миллионеров (по другим данным – 79 тыс.); 105 тыс. человек из РФ входят в 1% богатейших людей мира; 1.028.000 человек – в 10% богатейших людей мира.

По данным New World Wealth на август – сентябрь 2016 г., в РФ почти 2/3 благосостояния находились в руках долларовых миллиардеров, более ¼ приходится на всё остальное население, т.е. сотня тысяч владеет теми самыми 89% национального благосостояния, а 140 (или 130 по другим данным) миллионов – 11%.

На одной стороне – богатство, виллы, яхты, счета в банках, на другой – бедность, безнадёга, износ основных фондов промышленности – 53%, жилищно-коммунальной сферы – на 70-80%; падение доходов граждан – на 20% (при исключении из статистики богатых слоёв эта цифра составит 50%), недофинансирование здравоохранения, образования, науки.

Идеологией будущего в России не может быть идеология построения капитализма с его растущим неравенством и его неорганичностью, разрушительностью для русской жизни и её ценностей. А страна-то РФ (формально) капиталистическая. Получается: капиталистическая страна без (капиталистического) будущего, страна самовоспроизводящегося идеологического дефицита и неспособности, импотенции его ликвидировать. А раз нет идеологии, то нет стратегии и нет будущего. Удел тех, у кого нет идеологии – пикник на обочине истории. И то, если «хозяева истории» позволят. В этом плане ясно, что будущее России и капитализм несовместимы. Либо капитализм, либо Россия и русские.

Елена Пономарева: Полностью согласна с Андреем Ильичем. Экономическая модель, принципы социально-экономического развития современной России вступают в явное противоречие с риторикой о социальной справедливости. На практике у нас чудовищное социальное расслоение, а грезим мы о широких и равных возможностях для самореализации, рассчитываем на уважение к себе, к своим правам, свободам, к своему труду. Именно с этого начал свое Послание Федеральному Собранию на 2017 г. Президент России В.В. Путин. В частности, он отметил, что «любая несправедливость и неправда воспринимаются в России очень остро. Это вообще особенность нашей культуры. Общество решительно отторгает спесь, хамство, высокомерие и эгоизм, от кого бы всё это ни исходило, и всё больше ценит такие качества, как ответственность, высокая нравственность, забота об общественных интересах, готовность слышать других и уважать их мнение». Это верные слова. Поэтому вопрос об идеологии, о национальной идее представляется архиважным.

Определение смыслов и ценностей, целей и задач развития всегда наиболее остро ощутимо и востребовано в переломные моменты, когда страна и мир находятся на распутье. Вот и сегодня Россия опять словно васнецовский витязь задумалась перед былинным камнем, а выбор то невелик: направо пойдешь – коня потеряешь, налево пойдешь – смерть найдешь, прямо пойдешь – жив будешь, да себя позабудешь. И все-таки выход есть всегда. Для России – это сохранение целостности и независимости страны; сохранение державности в триединстве военно-экономического, политического и духовно-нравственного смыслов. Иными словами, мы должны и коня сохранить, и живыми остаться, и при этом не «позабыть» себя. Иного пути у нас просто нет.

Реализация этой цели в свою очередь невозможна, да и немислима, не только без мощного социального, экономического и военно-технического потенциалов, без изменения экономической модели и ухода от дикого капитализма, но и без ясного, четко аргументированного целеполагания, которое в свою очередь вызревает из осознания обществом объективной потребности сохранения и развития существующей целостности, из идеи государственного единства и величия.

Вся история России и особенно ярко история XX в. доказала, что идеи играют колоссальную роль в развитии общества. В России сила идеи, поддерживаемая обществом, всегда оказывалась куда более существенной и значимой для развития страны, чем уровень материального благополучия или, говоря современным языком, уровень потребления.

Очевидно, что в настоящий момент Россия как никогда нуждается в доктринальной конструкции существования и развития, в определении идейного смысла ее бытия. Сегодня особо остро ощущается потребность в идее, в идеологии, способной вызвать энтузиазм решения сверхзадачи – строительства сильного государства, объединив в этом порыве общество и власть. Достижение этой цели требует решения двуединой сверхзадачи – реидеологизации общества и реидустриализации экономики страны. При чем начинать надо именно с идеологии, которая, вспомним Александра Зиновьева, «образует определенное учение о мире, о человеческом обществе, о человеке вообще и жизненно важных явлениях жизни людей... дает оправдание поведению людей, к которому их призывает или принуждает руководство».

В тоже время не стоит забывать, что писал Федор Достоевский – «основная идея всегда должна быть недостижимо выше, чем возможность ее исполнения». Поэтому мы должны мыслить великую Россию, способную стать центром не только евразийского пространства, но притяжения для многих стран и народов других континентов. Это «основная» идея. А на практическом уровне мы должны создать систему, способную противостоять давлению извне и изнутри, направленному на разрушение нашей страны.

Поэтому, если власть разумна, если она не мыслит себя без России, то в первую очередь она должна быть заинтересована в наличии ясной, четкой, судьбоносной, понятной и признанной большей частью населения страны национальной идеи – идеологии, закреплённой в Конституции, в государственных символах и во всех значимых документах. Такая идея должна пропагандироваться средствами массовой информации, деятелями литературы и искусства. Она должна стать стержнем образовательной и воспитательной систем: молодое поколение должно воспитываться в духе патриотизма, любви к своему народу и своей Родине, в готовности защищать ее территориальную целостность и способствовать к процветанию.

Национальная идея не может быть только на бумаге. Она должна работать. В этой связи уместно вспомнить, пожалуй, самых известных идеологов – К. Макса и Ф. Энгельса: «идеи вообще ничего не могут осуществить. Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу». Иными словами, нужны люди, которые не только сформулируют мысли и

чаяния, но и которые их реализуют.

Вопрос: Сердцевина Ваших исследований и выступлений, а также терминологии - война: предельно четкая и жесткая, без фильтров, но с четкими характеристиками - психоисторическая, геополитическая, геоэкономическая. Система знания Вашего “черного корпуса” - защита России на поле боя аналитики. Это Ваш образ и философия жизни или реакция на “логику обстоятельств”?

Андрей Фурсов: Книги из «чёрной серии» – это не просто и не только защита России. Издание этой серии и других работ сотрудников ИСАН – наступательная акция: лучшая оборона – наступление. Главная задача Института – создание реальной картины мира в его настоящем и прошлом и – на этой основе – анализ возможных вариантов развития будущего. Реальная картина мира имеет не только научно-теоретическую, но и практическую ценность (что может быть практичнее хорошей теории, говаривал А. Эйнштейн) – это мощное оружие в психоисторической войне, которая ведётся на информационном (факты), концептуальном и метафизическом (смысловом) уровне. Победа в психоисторической войне – необходимое условие победы в битве за XXI в., в битве на закате Модерна. Цена победы – наше будущее.

Елена Пономарева: С учётом сказанного выше, могу лишь добавить: наши исследования и выступления – это не просто реакция на обстоятельства, реакция – штука пассивная. Мы же стараемся работать в активном режиме опережающего реагирования: это и наше дело, и образ жизни, и её смысл. В основе этой работы – преданность нашей Родине и нашему народу.

VIA EVRASIA, ГЛАСОБЕ, 1 февраля 2017 г.

Дарина Григорова, доцент, к.и.н. на Истфаке Софийского университета, руководитель Евразийского центра VIA EVRASIA